

**ТАТЬЯНА ШАПОШНИКОВА
ПО ЧЕРНЫМ ЛИСТЬЯМ**

РАССКАЗЫ

18+

Татьяна Викторовна Шапошникова

По черным листьям. Рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55564668

SelfPub; 2020

Аннотация

Сборник рассказов, главные героини которых женщины. Автор показывает, как чистые от природы девушки, женщины меняются в различных, часто острых ситуациях, сталкиваются с обстоятельствами, которые не могут вынести. Повествование концентрируется на самой благодатной и поистине неисчерпаемой почве – на отношениях между людьми.

Содержание

Портрет	4
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Портрет

Зря она сегодня полдня плутала по лабиринтам с тряпьем среди таких же несчастных, задавленных жизнью, в одной руке спотыкающийся Федька, в другой – пакет с дешевыми яблоками, который при каждом шаге бил ее по ноге. Да еще сумка, перекинута через плечо, которую Ольга держала на животе – боялась за кошелек. При этом она безостановочно вертела головой – караулила Катюшу, которая шныряла между лотками и приценивалась. Федька, понятное дело, ныл «на ручки». Время от времени он бунтовал: перекрывал Ольге путь, прижимался к ее животу и тянул руки вверх. В другое время Ольга обязательно бы взяла его, но сейчас, когда это было невозможно, они просто стояли какое-то время обнявшись, к неудовольствию Катюши, приплясывающей от нетерпения, а потом плелись дальше... Просить дочь забрать у нее мешок с яблоками Ольга не решалась. Знала, что Катюша лишь удивленно вскинет брови, мол, что-что? Совсем чужая стала девчонка.

Вдруг Федька утратил интерес к происходящему: принялся икать, потом заревел. Пришлось остановиться и взять его, разомлевшего, на руки. Прикоснувшись к щеке сына, Ольга ахнула: у него был жар. Она обернулась к дочери с каким-то затравленным выражением на лице, хотя было ясно, что ту сейчас не остановит никакой Федька.

Тут им повезло: Катюша выхватила с какого-то прилавка кроссовку и, радостно улыбаясь, показала ее им с Федькой. Нашла то, что искала, из-за чего вчера разгорелся сыр-бор.

Вчера у Катюши в школе исчезли купленные всего месяц назад кроссовки. Переждав поток слез, Ольга как можно тверже сказала, что новые они купить не смогут, так что придется обойтись кедами. Лицо дочери перекосилось от злобы. Она выла и визжала как ошпаренная, что не пойдет в школу без кроссовок, как у Вики!

Ольга с независимым видом глядела в окно, а дочь над-рывалась:

– Не хочу такой, как ты! Викина мама в сто раз лучше!

Полночи Ольга крутилась в постели, не зная что придумать (муж остался ночевать в мастерской), и с утра засоби-ралась в Апрашку на последние деньги за проклятыми крос-совками...

Федька уже выл не умолкая, так что на них то и дело огля-дывались. Как-то им удалось влезть в набитый трамвай, но тут Федька, как назло, замолк, припав к Ольгиному плечу. А она-то надеялась, что их услышат и заметят! Когда через остановку рядом с ними освободилось место, Катюша юрк-нула на сиденье, водрузив коробку с кроссовками на колени, словно та была хрустальная, и принялась глядеть куда угод-но, только не на мать.

– Ладно уж, садись, – все же сказала она через пару оста-новок и нехотя поднялась.

Последний отрезок пути, от трамвая до дома, мешок несла присмирившая Катюша, а Ольга тащила спящего Федьку, изо всех сил стараясь не поскользнуться. Тяжело дыша, она привалилась к какому-то столбу, и ее взгляд уперся в грязную бумажку «Покупаем волосы. Дорого. От 30 см».

– А ты говоришь, что тебе больше нечего продать! – услышала она обиженный голос дочери.

Дома Ольга положила спящего Федьку на кровать прямо в комбинезоне и упала без сил рядом, глядя в одну точку. Сейчас дочь спросит про обед, и надо будет идти в кухню что-нибудь придумывать.

– Здорово, мам, правда? – услышала Ольга и открыла глаза. Кажется, она заснула.

Перед ней стояла Катюша в новых оранжевых с зелеными шнурками кроссовках. Ольга через силу улыбнулась...

Когда Федька заболел, он почему-то сразу начинал скулить на одной ноте. Это могло продолжаться часами. К тому же эта его худоба... В голову лезли дурацкие мысли, да еще непременно вспоминалось оброненное вскользь замечание соседки: «С этим парнем что-то неладное».

Кажется, у сына опять воспалилось ухо, температура все росла, и Ольга металась между кухней, ванной и детской... И вдруг остановилась: у нее же еще остались с прошлого раза таблетки!

Заставив подвывающего Федьку проглотить лекарство, Ольга уселась на край его постели. Однако сын и не думал

засыпать и все нудел о том, что когда же они пойдут на рынок, чтобы купить батарейки для его котенка – только на батарейках его Кузя шевелил хвостом. Рынок был в двух кварталах от их дома, всегда не по пути, и Ольга всякий раз мучительно оправдывалась перед сыном, обещая, что уж в следующий-то раз непременно...

Сидя в ногах у сына, она то и дело трогала его лодыжки: ждала, когда у него спадет жар.

Муж так до сих пор не появился. А ведь он обещал вернуться еще утром. Стрелки наматывали круги на циферблате, а ключ в замке все не проворачивался.

В очередной раз проходя мимо них с Федькой, Катюша вдруг, будто о чем-то вспомнив, остановилась напротив Ольги и, глядя ей прямо в глаза, с вызовом спросила: «А где мой папа?» Не дожидаясь ответа, Катюша победно развернулась и пошла дальше.

Позавчера ночью Ольга долго лежала без сна подле мужа и рассматривала его профиль из черного мрамора, уверенная в том, что он спит, как вдруг он, не открывая глаз, отчетливо произнес: «Перечитываешь заново?» Она инстинктивно отодвинулась от мужа и вдруг поняла, что боится его.

Ольга привыкла отбрасывать прочь любую мелочь, способную напомнить ей о том, как он впервые не ночевал дома. В ней просто жило знание о том, что она не единственная, и Ольга, слишком устав, чтобы ощущать боль, однако, не переставала удивляться порядку вещей и с изумлением продол-

жала примеривать себя к жизни, которую она не выбирала.

Все началось после третьего курса в стройотряде, когда она отправилась в тундру кормить комаров. Зачем? Да просто среди записавшихся потрудиться был он – высокий, лохматый, улыбочивый, которого на курсе называли художником и у которого для конспектов по всем дисциплинам была всего одна засаленная тетрадь.

Рубили, пилили, носили, и не было этому конца. Весь день в кирзовых сапогах, в ватных штанах и в штормовке, а ночь – в шатровой палатке на двенадцать человек... Только к концу третьей недели Ольга впервые провела вечер у костра, где играла гитара и кто-то пел надсаженным голосом. И он тоже там сидел. Но даже в тундре у него всегда была при себе папка с набросками, и он готов был исчезнуть с работы в любое мгновение.

– А где же наш художник? – спрашивали однокурсники у красавицы Вики.

– Небо рисует, – смеялась красавица, и у Ольги сжималось сердце.

Как-то они сидели возле костра, и он предложил своей компании после стройотряда ехать в Крым.

– Доберемся до Бахчисарая, а там у меня дядя директор совхоза, жильем обеспечит, и работа не пыльная – собирать лепестки роз, а на выходные Черное море.

– А можно с вами? – вырвалось у Ольги, и сидевшая у

костра компания – трое парней и три девицы – в недоумении воззрилась на нее.

Вика расхохоталась, но он вдруг спокойно сказал: «Можно», и Ольга обмерла. Конечно, это было несерьезно, и все только засмеялись, но Ольга-то услышала нечто особенное в этом «можно» и понятное только ей. Услышала и машинально, чтобы только чем-то занять задрожавшие руки, стянула с волос резинку, и ее тяжелые шелковистые волосы хлынули вниз.

– Во как мы умеем! – услышала она. Это была Вика.

Ольга тут же принялась суетливо завязывать волосы в пучок.

Когда все пошли спать, Вика, больно щипнув Ольгу за плечо, прошипела: «А ты еще та щучка!»

Конечно, он был не для нее. Но ей все время хотелось быть рядом с ним, с его улыбкой, его песочными ресницами. И потом, ей вдруг показалось очень важным увидеть лепестки роз в его ладонях. Она даже улыбнулась этой своей мысли. Но Вика, красавица Вика, непрерывно вилась вокруг него, словно говорила всем: «Мы вместе и навсегда». Правда, он при этом почему-то смотрел на красавицу спокойно, даже слишком. Снисходительно.

За билетами в Крым против обыкновения отправилась Вика, с неудовольствием взяв из рук Ольги паспорт и деньги. Весь день Ольге мерещились лепестки и бутоны, которых она раньше никогда не видывала, и среди них он, ее бог. Она

даже работать не могла. Когда появилась Вика, вся компания бросилась к ней, и красавица, немного дурачась, приступила к раздаче документов. Ольга последней потянулась за своим паспортом и увидела вложенные в него деньги – те самые, что она давала на билет.

– Билетов оказалось только шесть! – Вика с вызовом смотрела Ольге в глаза, а Ольга лишь растерянно улыбалась. Потом эта улыбка, наверное, приобрела виноватое выражение:

– Ничего страшного. – Она постаралась успокоить Вику, едва слышно добавив: – Извини...

Вся словно каменная, Ольга стояла в маленьком здании аэровокзала, где провожала развеселую компанию в Крым. И вдруг услышала его голос:

– В кассе полно билетов на наш рейс!

Ольга развернулась: побледневший, он в упор смотрел на красавицу.

– А тогда – не было! – пыталась защититься Вика.

Бог шагнул к Ольге и, взяв у нее паспорт, который в этом городке было лучше носить с собой, молча удалился.

– Как же твои вещи? – сказал Ольге кто-то из ребят, когда та уже растерянно вертела в руках свой паспорт с билетом на Симферополь.

– В Эдемском саду все голые ходят! – подмигнув ей, сказал бог.

После тундры жизнь в Крыму оказалась раем: море синего неба, дрожащий воздух, напоенный сладковато-горькими

ароматами. И главное – он был совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Но если раньше она мечтала лишь о том, как он однажды возьмет ее за руку, то теперь воображение ее рисовало целые сюжеты. Ночь напролет она смотрела в окно вагончика на огромные южные звезды, и он был с ней. Сколько она ни старалась не думать о нем, он и не думал уходить из ее головы. Может быть, это она сама не отпускала его? Ее то бросало в холод, то обдавало жаром, и лишь стылое, сырое крымское утро опускало ее с небес на землю: надо было как-то жить дальше. Надев улыбку на лицо, она шла умываться, потом собирала волосы в тугий узел на затылке и, опустив глаза, здоровалась со всеми за общим столом. В поле за работой она боялась остаться наедине с Викой и изо всех сил старалась не смотреть в его сторону, до крови накалывая шипами пальцы и думая о том, когда же закончится эта мука. А ведь она ехала сюда за счастьем.

– Ну, ты прямо мумия, – услышала она как-то Вику. – Ты случайно не заболела?

– Это от перемены климата, – пробормотала Ольга, вся уже словно выгоревшая до тла под безжалостным южным солнцем, с глазами, отмытыми до небесной голубизны... Когда же наконец отважилась поднять их, то вдруг встретилась с его взглядом, в котором читалось удивление и еще что-то такого, о чем она и думать не смела.

– Ну чё застыл? Мы же гуляем! – И Вика довольно сильно ткнула своего спутника локтем в бок.

На следующий день Ольга осталась на хозяйстве, и в разгар рабочего дня у летней кухни возник он, сильно хромая. Когда она дрожащими руками сняла с его ноги грязную тряпицу, хлынула кровь: порез оказался глубоким. Он со спокойным интересом разглядывал рану, а Ольга отвернулась, ей стало дурно. Она все же попыталась наложить повязку, но он отобрал у нее йод и бинт... Когда он уже сидел с кружкой горячего чая в руках на ступеньке времянки, она вдруг поняла, что он все время смотрит на нее, и смотрит как-то странно, пристально, не столько разглядывая, сколько пытается что-то увидеть в ней...

– Принеси-ка ты раненому его планшет из вагончика. – Он вдруг подмигнул ей. – И посверкай глазками! Надо бы тебя, мумия, нарисовать.

В вагончике, где жили парни, она сразу увидела возле одной из коек папку для эскизов и старалась уже смотреть только на нее, боясь соскочить взглядом на кровать, даже не накрытую покрывалом.

Он рисовал ее, а Ольга мысленно вновь бинтовала и перебинтовывала его ногу. Покончив с очередной воображаемой перевязкой, она косилась на его лодыжку, опасаясь увидеть проступающую через бинт кровь...

Закончив рисовать, он, нахмурившись, изрек:

– Нет, не то...

Через несколько дней они должны были ехать в Симферополь, чтобы лететь домой, но тут заболела Вика, кажется,

ангиной, и ни у кого не нашлось тетрациклина. Нужно было ехать в город. Закутанная в тощее одеяло, Вика обвела взглядом присутствовавших и остановилась на Ольге. А Ольга-то надеялась, что в этот вечер ее бог будет у костра без Вики и, очень может быть, накинет свою куртку Ольге на плечи...

Ольга стояла на остановке более получаса, и вдруг кто-то тронул ее за плечо: это был он. Сказал, что едет с ней и всю дорогу без умолку говорил, а она ничего не понимала и только все спрашивала себя: почему он поехал?

Они купили лекарство, но опоздали на последний автобус. Она шагала рядом с ним и боялась, что он услышит стук ее сердца, а он все вел и вел ее по какой-то улице. Была уже ночь...

Их все же впустили на ночлег. Переступив порог отведенной им комнаты, она застыла: почти все ее пространство занимала кровать; казалось, каждый, кто попадал сюда, неминуемо должен был очутиться в этой постели.

Он быстро о чем-то переговорил с хозяйкой на веранде и вернулся.

– Дай я хоть дверь закрою, – сказал он и, легонько подтолкнув Ольгу к кровати, набросил щеколду. Потом поставил бутылку с домашним вином на табурет. У Ольги забежали мурашки по спине: он так смотрел на нее, что она не знала, куда девать глаза и в смятении уставилась на ворот его рубашки. Нужно было что-нибудь сказать или сделать, но ни то ни другое было сейчас невозможно, и она не нашла ничего

лучше, как перевести взгляд с ворота на его наручные часы.

– Ты ведь себе цены не знаешь, – услышала она и почувствовала, как его пальцы разжали черепаховую заколку у нее на затылке – волосы тут же покатались волной вниз, и он положил этот блестящий поток себе на ладонь. – Прямо Виктория!

Она отпрянула от него и уперлась спиной в стену.

– Не бойся, это водопад такой в Африке...

– Будешь вино? – Он кивнул на бутылку, когда она уже лежала вытянувшись в струнку под простыней на самом краю постели и никак не могла унять бивший ее озноб.

Он прихлебывал вино из горлышка и все чему-то улыбался, глядя в потолок, а она думала только о том, что, конечно, умрет, когда наступит завтра. Он что-то говорил, и она вдруг опять услышала:

– Ты себе цены не знаешь. – Она, кажется, перестала дышать. А он продолжал: – Да что вы все в красоте понимаете?! А я вот знаю: она внутри, а не снаружи. Это такой свет, который еще надо увидеть! Но никто не видит...

Когда они утром ехали в автобусе, он опять все говорил, что-то показывал ей там, за окном, а она послушно смотрела, слушала и не слышала.

На пороге времянки их поджидала осунувшаяся Вика, впрочем, не забывшая про тушь и помаду.

– Только не говорите, что вы опоздали на последний ав-

тобус и провели ночь на вокзале! – засмеялась красавица, готовая заплакать.

– А мы и не говорим, – сказал он и посмотрел на Ольгу.

Вика шагнула к Ольге и вцепилась в ее распущенные волосы...

Меньше чем через час Ольга снова ждала автобус, следующий до жэдэвокзала, и, как вчера, до ее плеча кто-то дотронулся. Как же она боялась обернуться!

Осенью они поженились, правда, в институте об этом никто не узнал. Ольга старалась сохранить это в тайне, а он – он почти не посещал институтские аудитории, рисовал и что-то рассказывал ей о своих замыслах, и каждый новый оказывался грандиознее предыдущего. Его фантазии ее шокировали: например, он всерьез намеревался написать проститутку с Московского вокзала на фоне Смольного института... И при этом каждый день рисовал ее, Ольгу.

Как-то, среди бела дня, он набросился на нее «Раздевайся!», и она решила, что ему не хватило предыдущей ночи. А оказалось, что он опять вздумал рисовать ее, только теперь обнаженной.

И не было конца и края этой обнаженке. Часами он пытался запечатлеть ее то сидя, то лежа, будил ее, когда она засыпала, и требовал замереть в какой-нибудь нелепой позе, но изображение сопротивлялось, и он взрывался: ожесточенно перечеркивал лист ватмана, рвал его на части и даже топтал,

как ненавистного врага. Ольга порывалась обнять его, но он только злился, крутил ее, словно куклу, пересаживал и кричал:

– Не то! Не то! Не то!

Правда, случались дни, когда он отпускал ее со словами: «Что-то в этом есть, но... Ладно, иди спать» И Ольга мучилась сознанием собственного несовершенства. Ей все еще казалось, что он ошибается, приписывая ей какие-то необыкновенные свойства, что в ней нет и никогда не было того, что он ищет.

Он не учился и нигде не работал, хотя время от времени в доме появлялись деньги. Ольга робко спрашивала «Откуда?», но никогда не получала ответа.

А он снова мучил ее, ходил за ней как зверь по следу.

Когда его не было дома, она открывала его папку: многое ей нравилось, многое удивляло.

– Может, тебе стоит переключиться на что-то другое? – спрашивала она его. – У тебя так хорошо выходят лодки на Шкиперском протоке и кладбищенские кресты!

– Нет, я буду рисовать тебя. Хочешь знать, что я ищу в тебе? То ищу, что увидел там, в Крыму. Хочу запечатлеть что, собственно, есть человек.

– И что есть человек?

– Зверь, – ответил он и тут же прибавил: – Но ты не бойся: этот зверь с добрыми глазами.

– Пока ты ищешь этого зверя, ты перестаешь быть чело-

веком, – вздохнула она и тут же испугалась: вдруг он больно схватил ее за кисти рук – правда, сразу же разжал их, словно обжегся. Когда она открыла глаза, он уже улыбался, немного беспомощно:

– Извини. Меня нельзя трогать.

Так он мучил ее всю осень и зиму, а весной все наконец прекратилось; теперь он стал запирался в ванной со своей папкой, так что она не знала, что и подумать.

И однажды он развернул перед ней кусок ватмана. Ошеломленная, Ольга долго смотрела на себя его глазами, а потом, испугавшись себя, сунула лист за спинку дивана. Но забыть увиденное не могла. На портрете была именно она, Ольга, а не какая-то похожая на нее женщина. Помимо всех подробностей тела, там было еще что-то, что принадлежало Ольге, но что невозможно было изобразить.

После появления на свет Катюши мужа Ольга почти не видела, оставшись один на один с младенцем, бутылочками и бессонными ночами. Крутилась как белка в колесе, а когда он вдруг появлялся дома, напрасно просила его хоть немного побыть с ребенком.

Теперь она едва ли не каждый день вынимала из-за спинки дивана тот портрет и разглядывала его, каждый раз открывая в нем, то есть в себе, что-то новое. Часто Ольга посреди дня ловила себя на том, что ждет той минуты, когда ей ничто не помешает извлечь портрет на свет. Но зачем? На это Ольга не смогла бы ответить. Знала одно: посмотрев на

него, ей становилось проще и понятнее существовать дальше. И вот еще что: чем больше она вглядывалась в портрет, тем больше видела в нем его, мужа, а не себя. Да, несомненно, на том куске картона его было больше.

А потом портрет пропал. Она бросилась к мужу, но он сообщил дежурным голосом, что отнес его в приемную комиссию Репинского института... Как отнес? Зачем?!

– Как ты мог отдать им меня... такую?

– Только такую! – раздраженно оборвал он ее.

Примерно в то же время она ясно ощутила, что ее растущие усталость и непонимание, что от нее требуется, сродни физической боли. «Скоро тебе отдадут *его*?» – спрашивала Ольга мужа. «Кого – его?» – в очередной раз не понимал ее муж. «Тот мой портрет?» «Это мой портрет!»

В конце лета его приняли в Репинский институт, и он перестал бывать дома. Нет, конечно, периодически он появлялся, но не как муж, а скорее как солдат на побывку. Даже рождение Федьки почти ничего не изменило... В минуты их редкой близости Ольге казалось, что теперь она мужу не нужна. И еще Ольга ощущала – ее душа отторгает тело, которым безраздельно владел муж: наутро она частенько обнаруживала синяки на своих запястьях и предплечьях.

Начались реформы девяностых. Ольга сушила сухари, белые и черные, мариновала минтай «под курицу», высматривала на Сенной мягкий маргарин и порошковый творог. Иногда ее приглашали в гости, и ей приходилось брать с со-

бой детей. Когда наступало время уходить, Катюша всегда начинала просить сладкое, и нередко им удавалось принести домой яблоко или мандарин.

А муж, забывая про молочную смесь, покупал акварель, пропадал до двух ночи, а потом вваливался веселый, и опять от него несло алкоголем и духами...

– Катюша, освободи телефон, надо вызвать неотложку.

– Еще пять минуточек!

Катюша болтала с подружками, валяясь на диване. Время от времени она задирала на спинку дивана то одну ногу в кроссовке, то другую и счастливо смеялась.

Врач, появившийся в квартире, когда уже давно стемнело, выписал лекарства, на которые у Ольги, конечно же, денег не было.

После того как Ольга обтерла сыну грудь и сгибы локтей уксусом, он наконец-то заснул. Жар понемногу начал спадать. А Ольга не могла больше оставаться в этой душной клетке. Не отдавая отчета куда, собственно, и зачем, она подошла к вешалке в прихожей.

– Ты куда? – вытаращилась на нее Катюша, выскочившая в коридор.

Ольга продолжала одеваться, пряча лицо, – боялась, что ее остановят. Катюша испуганно схватила ее за локоть и прижалась к ней, но тут же отпрянула:

– Мама, ты горячая!

– Я скоро, – тихо сказала Ольга и прикрыла за собой входную дверь.

Она шла прямо по лужам, подернутым льдом, и старалась ни о чем не думать, но одна мысль не давала ей покоя: все пошло не так после того портрета.

Она остановилась посреди какой-то улицы и вдруг подумала, что мансарда дома, которую она сейчас разглядывает, очень похожа на мастерскую мужа. В ярко освещенном окне последнего этажа маячила какая-то девица с сигаретой в пальцах, кажется, пьяная, смеялась и переговаривалась с кем-то, кто находился в глубине комнаты. Увидев Ольгу, на мгновение встретившись с ней глазами, девица, позвала кого-то, кто был там – и этот кто-то моментально убрал девицу и зашторил окно.

Ольга пошла прочь, повернула на набережную со сфинксами. Остановившись возле какого-то кафе, спустилась по ступенькам вниз. Выцветший зал со стертymi полами и пластиковыми столами пустовал. Хотя нет, в углу, за дальним столиком, сидел какой-то старик в потертом пиджаке. Вокруг шеи у него был обмотан широкий красный шарф. Старик воззрился на Ольгу:

– Наяда! – Он приподнялся со своего места и слегка поклонился. – А я ведь вас знаю! – И он сделал приглашающий жест рукой.

И Ольга послушалась. Подошла к столику, села напротив старика.

– Тут чай есть? – спросила она и не узнала своего голоса.

Старик подмигнул ей и достал из внутреннего кармана пальто бутылку.

– А разве можно? – спросила Ольга, равнодушно, словно со стороны наблюдая за происходящим – незнакомец, отвешивающий ей поклон, стакан мутного стекла, липкая бутылка в отечной руке.

– Нам – можно, – улыбнулся старик.

И Ольга придвинула к себе стакан с портвейном. Пригубила, и слезы выступили у нее на глазах; липкое тяжелое тепло разлилось внутри нее и сладко отдалось в мозгу, отодвинув на второй план действительность.

Старик оказался художником, когда-то даже преподававшим в Репинском институте рисунок.

– Хорошо, что вы существуете, – услышала она, а он, встретив ее непонимающий взгляд, продолжил: – Натурщицы так не глядят. Вы ведь жена одного из наших выпускников, верно? – И он долил Ольге в стакан вина.

– А он, пожалуй, гений. Гений, – тут старик усмехнулся, – у которого рука не дрогнет укокошить какого-нибудь простеца, когда он задумает «Снятие с Креста». Мы вот привыкли, что гений и злодейство вещи несовместные. Но не верьте тому, кто будет утверждать это, – он или плут, или дурак. Конечно же, гений злодей, и не дай Бог никому оказаться рядом с ним, потому что гений не будет гореть в одиночку... Но не беспокойтесь: когда схлынет эпоха, от художника не

останется ничего, кроме его творений. А это значит, что вы останетесь. Навечно.

Потом он замолчал и долго рассматривал ее, подперев щеку ладонью.

– Никуда он от вас не уйдет... В вас есть то, что невозможно выразить, то, чем как раз и занимается искусство – и занималось во все века. Но это под силу разве что великим вроде Веласкеса, Рембрандта... Не знаю, как это вашему удалось.

Ольге вдруг все стало неинтересным и неважным.

– И не пытайтесь его переделывать, – крикнул он ей вслед, когда она уже была у выхода, – ведь только такой он и настоящий! Жаль, правда, быстро сгорит.

Она перешла проезжую часть и облокотилась о парапет набережной – ждала, когда пройдет дурнота. Мокрый снег летел в лицо, облепляя шарф, повязанный вокруг головы, тротуар уходил из-под ног, и Ольга опустилась на ступеньки возле сфинкса, прислонясь виском к граниту. Мимо плыл ноздреватый лед, хлопья снега быстро тонули в черной воде. Внезапно пахнуло морем – и она увидела то давнишнее, под голубым крымским небом... Но дальше заглянуть не удалось: снег залепил экран...

Завтра она купит Федьке батарейки и лекарства. Откуда возьмет деньги? Продаст свои волосы. Дорого. Дальше еще что-нибудь придумает. Катюша... С ней надо разговаривать каждый вечер, как и с Федькой, рассказывать про жемчуж-

но-серое утро в горах, про лепестки роз в огромных пальцах...

Она не узнавала улиц, словно никогда не бывала здесь раньше. И ей вспомнился сон, который повторялся уже много лет: она летит в пропасть и все никак не может разбиться. Сейчас сон с явью неожиданно соединились: коридоры незнакомых улиц гнали ее вперед, и она почему-то уже знала, что остановки не будет – у этой пропасти нет дна. В отчаянной попытке вернуться она уцепилась за первую попавшуюся картинку в калейдоскопе, завертевшемся перед ней, – увидела их кухню в утреннем солнце, Федьку в стульчике для кормления, упирающегося перед тарелкой, и себя, изготовившуюся к изнурительной борьбе с ложкой в руке. Где-то тут ее муж: Ольга чувствует на себе его пристальный, прожигающий взгляд. И уже знает: стоит только ей обернуться – она увидит глаза зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.